

Тема семинара

Россия и мир в XXI веке

Доклад

Будущее России: концепт культурного лидерства

А.В. Бузгалин, доктор экономических наук

XX век стал эпохой сразу нескольких глобальных переломов. Один из них — «социалистический эксперимент» — закончился, на первый взгляд, возвратом в исходную точку. Второй — научно-технический — разворачивается вот уже более сот-

ни лет, но при этом регулярно меняет направления и тренды. Третий — культурно-цивилизационный — как был, так и остается под вопросом.

Для нашего Отечества ситуация еще более проблемна. Позади — Российская империя и Советский Союз плюс ужасы «шока без терапии». Впереди — надежды не столько на качественные изменения нашей роли страны, находящейся на 67-м месте в мире по индексу человеческого развития, сколько на стабильность.

Еще недавно задумываться над вопросами нового качества развития мира и нашей Родины в среде серьезных интеллектуалов России считалось неприличным романтизмом. Но ситуация изменилась. И серьезные вопросы о том, кто, куда и как эволюционирует в современном мире, каковы при этом раскладе сценарии возможного развития России и может ли интеллигенция повлиять на выбор тренда, — стали

нас всерьез волновать. Хочется почувствовать свою сопричастность к тому, что делается в мире и в стране. Хотя бы интеллектуальную. А может быть и не только...

XXI век: под покровом постиндустриальных, информационных и т. п. «обществ» рождается качественно новый мир со-творчества

О глобальных, качественных имениях мира, вызванных технологическими сдвигами последних десятилетий, написаны сотни книг. Более полувека назад интеллектуалы открыли научно-техническую революцию. Даниэль Бэлл более 40 лет назад назвал эти трансформации постиндустриальными, а возникающую систему — «обществом услуг». Элвин Тофлер чуть позже — «третьей волной». Мануэль Кастельс и Ко — информационным обществом. Есть еще и «посткапитализм», и «общество знаний», и «человеческая революция», и много чего другого. Повторять основные моменты этих работ — занятие скучное и ненужное: большинство и так их хорошо знают. Поэтому напомним лишь самое главное.

Творческая деятельность создает не просто информацию или новшество. Она, *во-первых*, создает культурную ценность, которая в пределе бесконечно остается востребованной человечеством (как правила арифметики или поэмы Гомера). И это культурное благо не ограничено для использования. Это такой «пирог», который становится тем больше, чем больше едоков его поглощают (например, Чайковский приходит и «съедает» испеченный Пушкиным «пирог» — поэму «Евгений Онегин», в результате чего появляется два пирога: опера и поэма). Поэтому в принципе, в мире культурных ценностей становится возможна (а, на мой взгляд, и необходима) всеобщая собственность, собственность каждого на все. Это уже формула, восходящая к идее всеобщего труда (К. Маркс), к работам отечественных философов-шестидесятников (Э. Ильенков, Г. Батищев, Н. Злобин,

В. Келле, В. Науменко и многие другие) и часто ныне воспроизводится В. Межуевым.

Смысл этой формулы, на первый взгляд, прост: каждый из нас потенциально является собственником всего культурного богатства человечества — любых научных знаний и произведений искусства... Дело за малым — способностью «съесть» этот пирог, способностью освоить, распредметить это богатство. Перед каждым из нас открыты книжные богатства Ленинки, ценность которых несоизмерима с самым дорогим автомобилем; перед каждым из нас открыт Эрмитаж, по сравнению с которым любая вилла любого олигарха — сарай...

Во-вторых, творческая деятельность создает новое качество ее субъекта — человека знающего, человека любящего, человека-способного-чувствовать-красоту. Самое смешное, что *это результат, который нельзя ни купить, ни украсть... Его можно только со-творить*.

В-третьих, творчество всегда есть еще и процесс общения. Того, что Михаил Бахтин назвал субъект-субъектным отношением, диалогом. И в нем тоже нет места отчуждению: способность слышать другого (будь то учитель или ученик, дирижер или один из музыкантов оркестра, автор написанной тысячу лет назад книги или коллега по лаборатории) не продается, не покупается, не поддается насилию. Можно перекупить учителя или музыканта, но нельзя купить способность к диалогу с тем или другим.

Подытожим: в новом обществе основными сферами развития (и, как следствия, прогресса производительности, эффективности, качества роста и жизни) становятся новые отрасли широкомасштабного «производства» главного ресурса новой экономики — не денег, не машин и даже не информации, а «человеческих качеств» — новаторских способностей и способностей к неотчужденному диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»). Именно *такие* люди (о них писали многие: А. Печ-

чеи, Э. Фромм, Ж.-П. Сратр) — свободные, творчески развивающиеся, выбирающие «быть», а не «иметь» создают и «информацию», и know-how, и все другие высокоценные блага неоекономики.

Отсюда органично вытекает следствие: *основными «отраслями» ближайшего будущего становятся воспитание и образование* (непосредственное «производство» человеческих качеств как «I подразделение» постиндустриального общества), а также наука, искусство, высокотехнологичное производство и социальное новаторство (сферы реализации человеческих качеств, «II подразделение» постиндустриального общества). Добавив к этому охрану и воспроизводство экологически чистых территорий, мы получим эскиз структуры передовых секторов российской экономики будущего.

И, пожалуйста, не задавайте вопрос: «А что будут есть и что будут носить граждане такого общества?». Задумавшись хоть на минуту, вы легко найдете на него ответ.

Тысяча ученых, подняв урожайность сельскохозяйственных культур хотя бы вдвое, могут тем самым заменить миллионы крестьян; талантливые технолог и управленец могут сэкономить труд десятков тысяч рабочих... То, что *тысячи занятых в сфере высоких технологий высвобождают труд миллионов, занятых в индустриальном производстве* (не говоря уже о ручном труде) — хорошо известно. Что же касается «лишних» работников, высвобождаемых в этом процессе, то в постиндустриальном обществе существует круг сфер деятельности, где постоянно требуется дополнительная рабочая сила — учителя, «садовники» (люди, воссоздающие природу), социальные работники и т. п. — они могут и должны составлять большую часть занятых в обществе эпохи «человеческой революции», подобно тому, как промышленные рабочие составляют большую часть занятых в индустриальном обществе.

Аргумент позволим себе историческую параллель: для решения проблемы достаточного производства сельскохозяй-

ственной продукции в вечно голодном аграрном обществе феодальной эпохи (где 80% занятых составляло крестьянство) надо было... в несколько раз сократить численность населения, выращивающего зерно и пасущего скот, и занять большую часть населения совершенно бесполезным (с точки зрения средневекового крестьянина) делом производства даже не сельхозинвентаря, а станков, оборудования и т. п. В результате, уменьшившееся до 5–10% аграрное население оказалось способным производить в несколько раз больше сельскохозяйственной продукции, чем это делали в прежнюю эпоху 80% населения. Не резонно ли предположить, что переход к постиндустриальному обществу требует такой же перегруппировки, в результате которой 10–20% занятых в материальном производстве (при 80% занятых в образовании как «I подразделении» неоэкономики и науке, культуре и т. п. — как «II подразделении») будут создавать больше материальных благ, чем составлявший ранее большинство населения промышленный пролетариат?

Вот такой необычный мир открывается перед человечеством.

Раньше этот мир был уделом избранных. В новом веке он может (и, в принципе, должен!) стать миром большинства, в пределе — каждого.

Впрочем, здесь начинаются многочисленные дебаты.

Будущее: 20% интеллектуальной элиты и 80% ненужных людей?

Начнем с наиболее фундаментального вопроса: а *действительно ли человечество движется к постиндустриальному (информационному) обществу?* Ответов здесь, как минимум, два.

Оптимисты, естественно, говорят «да» и указывают на сокращение доли материального производства в развитых странах, на растущие как снежный ком объемы продаж ком-

пьютеров, масс-медийных продуктов и патентов, а также число пользователей Интернета и мобильных. Естественники вспоминают еще и о микробиологии и нанотехнологиях. Бизнесмены — о сетевом бизнесе и креативных корпорациях и т. п. И все они делают вывод, что мир вступает в новое — информационное (постиндустриальное) общество. На Западе к кругу таких оптимистов принадлежит прежде всего Элвин Тофлер. У нас оптимисты более осторожны и избирательны. Типичный пример — Владислав Иноземцев, обещающий постиндустриальные блага только Европе. Ну, может быть, и еще кое-кому, кто сумеет к ним присоединиться.

Пессимисты указывают на то, что большая часть мира как жила, так и живет в индустриальной эре (а около миллиарда земель — в доиндустриальной). Что даже в первом мире сфера услуг — это преимущественно труд уборщиков, подавальщиков, кассиров и других работников «высокоинтеллектуальных» специальностей. Что большинство молодых людей используют компьютер как пишущую машинку и книжный шкаф — это в лучшем случае, а в худшем — как развлечение со стрелялками. Что для большинства пользователей Интернет — средство покопаться в неприличных сайтах, посплетничать в ЖЖ, купить новые джинсы на 10% дешевле, чем в магазине... Есть и более фундаментальные аргументы, доказывающие, что никакого глобального перехода к новому качеству развития нет.

Кто прав?

Берусь утверждать: и те, и другие. И не потому, что автор предлагает последовать постмодернистской методологии отказа от больших нарративов или хабермасовским интенциям интеллектуального бытия в мире коммуникаций и текстов, а не живых социально-политических проблем.

Правы и те, и другие, ибо они нащупывают (каждый по-своему) разные «детали» слона, бродя с завязанными глазами и принимая хобот за змею, ноги за колонны и т. п. Они отказываются от взгляда на проблему через призму исто-

рически развивающихся, сложных, системных сдвигов — технологических, социально-экономических, политико-институциональных и культурных. Они ориентируются на «позитивную» фиксацию тех или иных реальных (но односторонних!) тенденций и не хотят видеть диалектики целого.

Прежде чем аргументировать свой вывод сформулирую еще один вопрос: а *прогрессом ли является признаваемое едва ли не всеми развитие новых технологий и институтов?*

Либералы-оптимисты опять отвечают «да», и тут они правы: для бизнеса, особенно финансовых институтов, ТНК и некоторых малых фирм «капитализм высоких технологий» стал золотым дном.

Гуманистически-настроенные интеллектуалы бьют тревогу, указывая на новые глобальные проблемы и прежде всего на то, что в новом постиндустриальном мире востребованными станут уже не две трети («средний класс»), а лишь четверть профессионалов высшего уровня. Остальные 80% граждан будут «опущены» в *гетто до-постиндустриального бытия*. «У них» об этом пишут все (в России принято ссылаться на ставшую особо модной в последние годы Ханну Арендт), у нас — по преимуществу только некоторые философы, часто очень далекие друг от друга (Вадим Межуев, Валентина Федотова).

И, опять же, ответу парадоксом: правы и те, и другие.

Почему?

Да потому что на протяжении последних десятилетий действительно разворачивается устойчивая тенденция возрастания роли Человека, его творческой деятельности и личностных качеств. Именно *такая* (творческая) деятельность именно *такого* (креативного, пишущегося с большой буквы) Человека создает новые технологии и новые ресурсы развития (информацию, знания). Она требует новых форм своей организации. Она обуславливает необходимость появления новых экономических и политических институтов. И эта тенденция проявляет себя уже более полувека: в энтузиазме на-

ших родных королевых и макаренко; в действительном буме IT на Западе; в массовом социальном творчестве венесуэльской бедноты и респектабельных НПО Западной Европы.

Но!.

И вот здесь начинаются жесткие и провокационные тезисы автора.

Начнем с того, что *прогресс человеческих качеств и творчества идет крайне неравномерно во времени и пространстве*. Периоды креативного бума — например, эпоха конца 1950–1960-х гг. с ее колоссальными технологическими (космос, химия, микробиология, медицина...) и социальными (от хрущевской «оттепели» и антиколониальных революций до торжества социал-демократической модели в Западной Европе) сдвигами — сменяются периодами застоя, а то и регресса.

Еще более очевиден тезис о пространственной неравномерности прогресса креативной деятельности. «Общество знаний», творческого *труда*, а не компьютерных игрушек, развивается чрезвычайно неравномерно, концентрируясь даже не в отдельных странах, а в *отдельных сетях, контролируемых глобальными игроками*. Основная же часть жителей Земли находится в гетто отсталости и при сохранении нынешней модели глобализации будет все дальше отдаляться от мира креатосферы. Лишь крайне ограниченный круг людей из этого гетто имеет шанс вырваться в новый мир.

Между тем, природа творчества состоит в том (и это доказано советской школой философов и психологов — Леонтьевым, Выготским, Ильенковым), что способностью к нему обладает любой ребенок в любой семье — богатого и бедного, жителя Кембриджа и Урюпинска. Но если способностью к творческой деятельности в потенции обладает каждый, то перед нами встает новый круг проблем: *найдется ли для всех творческая работа?* Кто в этом случае будет растить хлеб и производить машины? И почему же тогда не самые глупые интеллектуалы так тревожатся о судьбах 80% жителей Земли, которых в будущем ждет роль обитателей гетто отсталости?

Развитие нового мира: потенции прогресса и регресса

И здесь опять следует жесткий тезис: *поле творческой деятельности уже не одно десятилетие принципиально широко, и оно открыто для большинства*. Только надо хотя бы на минуту задуматься и понять, что наиболее востребованная и в высшей мере креативная деятельность — это прежде всего труд воспитателя детского сада и школьного учителя, медицинского работника и тренера-физкультурника (я нарочито использовал термин советской поры с акцентом на культуре физического бытия Человека, а не бизнесе в сфере профессионального спорта), рекреатора природы и общества («садовники» и социальные работники), инженера и квалифицированного рабочего, художника (причем не только профессионального) и ученого...

В сегодняшнем мире «рыночного фундаментализма» (Дж. Сорос) и глобальной гегемонии капитала творческий потенциал человека уходит преимущественно в иные сферы. Это финансы и другие виды посреднической деятельности (по оценкам неоинституционалистов, в США транзакционные издержки давно превышают издержки производства). Масс-культура (где десятки высококреативных людей десятилетиями производят жвачку для обывателя) и товары для «общества пресыщения». Военно-промышленный комплекс и другие силовые структуры (в США доля военных расходов ныне больше чем во времена «холодной войны»; в России число занятых сегодня в многочисленных государственных и частных охранных структурах много выше, чем число нквдэшников, состоявших на службе во времена самого страшного сталинского террора) ... В этих сферах, по преимуществу паразитических (их содействие прогрессу человеческих качеств не выше, чем у деятелей из КГБ или идеологического отдела ЦК КПСС), занято до половины наиболее квалифицированных работников развитых стран. И это при том, что в Западной Европе сегодня 2–3% населения вполне

способны прокормить, а еще 15–20% снабдить оборудованием и машинами все население этих стран.

Вывод получается обескураживающим: *большая часть креативного потенциала человечества даже в наиболее развитых странах растрачивается, по большому счету, впустую*. А то и во вред человеку и природе. Более того, социально-экономическая система, утилизирующая этот потенциал в развитых странах, уводит в сторону от того, что необходимо Человеку и Природе.

Так складывается система, в которой есть два полюса: *гетто пресыщения и гетто нищеты*, а в середине — более-менее сытое/голодное большинство. Это большинство мечтает попасть в первое гетто, страшится скатиться во второе и пребывает в состоянии воспроизводства обывательского стандарта. В лучшем случае (массовидный стандарт США), это частный домик, автомобиль и двухнедельный отдых за границей. В худшем (массовидный стандарт России) — тесная квартирка, новый телевизор и обед в Макдональдсе по праздникам. Эта модель стратегически тупиковая.

Если оставить в стороне заглавные буквы и пафос, то тезис прозвучит не слишком ново: *можно и нужно искать альтернативы той модели развития креативного потенциала человека, которую реализуют страны «золотого миллиарда»*.

Новым (да и то относительно) будет разве что несколько «пустяков».

Первый «пустяк». Точное указание на то, что не надо делать. Для прогресса креативного потенциала не «элиты», а «рядовых» граждан неадекватно прогрессирующее развитие тех сфер, где не создаются ни культурные ценности, гармонично и всесторонне развивающие личность человека в диалоге с природой, ни материальные продукты, создающие предпосылки для такого развития и повышающие производительность общественного труда. Достаточно понятно, что ни «старый» СССР, ни «новые» страны «Большой восьмерки» с этой задачей не справляются, а все остальные в основном

копируют модель последних... В результате, мир по преимуществу стремится создавать все больше предметов пресыщения, масс-культурных жвачек, вооружений, фиктивных виртуальных благ (Бодрийяр назвал бы их симулякрами, как бы благами).

Второй «пустяк». Понимание того, что *потенциальная альтернатива существует*. Человечество может обеспечить интересной творческой деятельностью большинство своих членов, притом что квалифицированный репродуктивный труд меньшинства достаточен для обеспечения всех его членов необходимым количеством материальных благ. Вопрос лишь в одном: понять — кто, как и что должен и может изменить в существующей системе для того, чтобы начать продвижение по альтернативному пути. Кто, как и почему будет этому противиться и есть ли шансы на реализацию альтернатив. Неплохо бы к тому же еще и разобраться с тем, *что* из себя представляют эти альтернативы.

Здесь, конечно же, возникает целый сонм хорошо известных возражений: «Кто вы такие, чтобы указывать нам, куда идти? Не лучше ли последовать предостережениям Хайека и его российских последователей (от Е. Гайдара до А. Кара-Мурзы), бывших особенно ярыми в 1990-е гг. и не раз предупреждавших об угрозе «пагубной самонадеянности» тех, кто берет на себя ответственность за содействие прогрессу, которого, возможно, вообще нет?». К этому можно добавить и давно известные возражения консерваторов всех мастей, предостерегающих от каких бы то ни было новых социальных экспериментов.

Последовательно реализованная линия таких интеллектуалов приводит к выводу, который более 15 лет назад сделал Ф. Фукуяма: история закончилась. Либеральный миропорядок forever. Всякий, кто с этим не согласен, — враг цивилизации.

Я с этим не согласен. И не в силу сохраняющегося юношеского романтизма и веры в позитивную миссию «прогрессо-

ров» (хотя я в свои 53 года по-прежнему романтичен; кстати, замечу: банальность на тему того, что тот, кто не был левым в молодости, не имеет сердца, а тот, кто не был правым в зрелости — не имеет ума, причисляют к сонму не-умных людей Сартра и Эйнштейна, Пикассо и Алферова...). Дело в том, что трагедии деятельности прогрессоров отнюдь нередко оказывались оптимистическими. Был ли «пагубно самонадеян» проведенный две тысячи назад «эксперимент», начатый проповедниками христианства? Был ли пагубным «эксперимент» Томасса Джеферсона и Джорджа Вашингтона или же США было бы лучше и далее оставаться колонией? Был ли реакционным призыв Вольтера к просвещению и демократии? А ведь для XVIII в. его идеи были явным прогрессорством...

Конечно, исторические примеры — не доказательство. Но и газетная статья — не академический трактат. Поэтому ограничусь здесь только этими отсылками, доказывающими, что субъективное содействие интеллектуалов прогрессу может быть *и позитивным*. Суть моей позиции состоит не только в том, чтобы констатировать: прогресс креативности идет, хотя и нелинейно во времени и в пространстве. Она прежде всего в другом: мы, интеллигенция, можем и должны содействовать этому прогрессу, как минимум, показывая гражданскому сообществу, какие формы организации экономики, общества, культуры продвигают нас вперед, а какие отбрасывают назад, доказывая свою правоту и неся ответственность за эту деятельность.

Постмодернистская методология деконструкции и самоустранения, порожденная застоєм конца XX в., в эпоху агрессивной имперской политики и активизма мирового Хама безнадежно устарела.

Вопрос, следовательно, не в принципиальной вредности «прогрессорства», а в том, каково это воздействие, в каком направлении и как оно осуществляется. Комментируя эти две последние темы обратимся к проблемам нашего Отечества.

Тупики «периферийной империи»¹

Хорошо известно, что синоптики лишь предсказывают погоду, делают же ее совсем иные люди...

В отношении экспертов и аналитиков это утверждение верно в гораздо меньшей степени: наше сообщество, не имея решающего влияния на ход истории (его оказывают лишь те массовые социальные силы, которые объективно и субъективно дозревают до того, чтобы оказаться в нужный день и в нужный час в необходимом месте, что и позволяет им «поймать в свои паруса ветер истории»), тем не менее способно оказывать немаловажное влияние (нет, не на президента, олигархов и прочую «элиту» — от нее на самом деле мало что зависит) — на общественное мнение. А общественное мнение («идеи») способно становиться материальной силой, когда оно соединяется с реальными социальными интересами нового субъекта исторического творчества («овладевает массами»).

Так какие же идеи «носятся в воздухе» в сегодняшней России, грозя завтра «овладеть массами»?

Новый государственный, державный, «имперский» проект — вот то новое откровение от... На самом деле ото всех: от Геннадия Зюганова, Игоря Шафаревича, Сергея Кара-Мурзы, Юрия Осипова, Игоря и даже Анатолия Чубайса вкупе с иными советниками высшей российской власти. Именно этот «проект» пытается навязать России новый тип формирующейся «элиты». Впрочем, эта «элита», пытающаяся выразить аморфное мычание обывателя, ничего другого, кроме повторения старой идеи стоящего над народом, всех подчиняющего, но и за все отвечающего державного вождя («держиморды»?) придумать и не могла.

Во-первых, потому, что по природе своей ретроградна, консервативна и ищет будущее в прошлом (сие типично

¹ В нижеследующих разделах предлагается обновленный и сокращенный вариант текста, опубликованного в журнале «Политический класс».

для добуржуазного «мировидения» вообще и российской феодально-имперской критики капитализма и неолиберализма — в частности).

Во-вторых (и это определяющий параметр), этот консервативный проект как нельзя лучше соответствует чаяниям основных пассивно-приспосабливающихся, но при этом вязко-мощных социальных сил современной России — обывательского большинства и серой исполнительской массы «элиты» (государственной и корпоративной бюрократии).

Наконец, «имперский проект» адекватен как современным общемировым тенденциям эволюции глобального капитала, так и все возрастающим тенденциям ностальгии по советской державе.

Проблема, однако, в том, что этот проект «почему-то» пока плохо работает и очень вяло претворяется в жизнь, не вызывая энтузиазма ни у «масс», ни у «элиты».

Коротко объяснить этот парадокс можно одной фразой: *«имперский проект» для России устарел, еще не воплотившись*. И тому есть несколько причин.

Прежде всего, место действительной империи, способной оказывать решающее влияние на происходящие в мире геоэкономические и геополитические процессы, уже занято США и их ближайшими конкурентами. В *рамках имперской логики у нашей Родины перспектив на лидерство нет*.

Гораздо более важен, однако, другой аспект: поскольку имперско-державная модель по замыслу ее разработчиков является консервативным проектом, она не может стать основой стратегии опережающего развития, не может обеспечить модернизационного прорыва нашей страны в условиях перехода к глобальному постиндустриальному обществу — обществу, где ключом к прогрессу становится творческая деятельность Человека.

Последнее требует некоторого комментария. В большинстве своем сторонники державно-имперского проекта апеллируют к патриархально-консервативным тенденци-

ям, а это означает ориентацию на аграрно-индустриальный уклад и опору прежде всего на крестьянство и чиновничество. Эти сектора и слои, играющие наименее значимую роль в постиндустриальном обществе, не могут стать основными технологическими укладами и социальными силами модернизации. Не менее важно и то, что державный проект предполагает возрождение патерналистской модели управления обществом и экономикой, а это методы преимущественно государственно-бюрократические и опирающиеся на пассивное послушание народа, занимающего позицию любящего «сына» державной власти, а потому пассивного объекта ее управляющих воздействий.

Более того, патерналистский вариант управления в рамках державно-имперского проекта приведет к усилению и без того мощных тенденций личной зависимости работника от работодателя, развитию таких типичных и для царской империи, и для СССР форм подчинения человека, в которых соединены воедино силы бюрократии и капитала.

Наконец, в идейно-духовной сфере этот проект будет сопровождаться даже не манипулированием сознанием, а однозначным контролем за сознанием на основе сращивания все более алкаемой ныне «государственной идеологии» со все более превращающимся в государственную религию православием. Такое *державно-имперское консервативное соединение технологической патриархальности с государственно-патерналистским капитализмом находится в прямом противоречии с основой прогресса современной постиндустриальной системы — развитием новаторского творческого потенциала личности в открытом, интернациональном, свободном диалоге индивидов и культур.*

Наконец, эта система по определению (авторов этого проекта) не должна включать механизм низового демократического контроля за властью как исполнительным аппаратом народа (державность предполагает реализацию обратного проекта — народ как «сын» государства-отца). Вследствие

этого идеальная модель авторов проекта, в которой «государь» есть отец народа, заботящийся прежде всего об интересах страны, неизбежно будет на практике вырождаться (как, например, во времена распутинщины или брежневщины) во властвование бюрократии, нацеленное на реализацию своих собственных интересов как узкого привилегированного слоя, укрепляющегося за счет народа и экономики. Последнее, как известно, очень быстро сводит на нет все достоинства патернализма, вызывая бурное развертывание его недостатков. Вот почему *консервативный державно-имперский проект в самой своей конструкции содержит механизмы своего рождения в диктатуру коррумпированной бюрократии.*

Концепт глобального культурного лидерства России

«Альтернативы есть!» — таков главный лозунг общественного движения «Альтернативы», координатором которого я являюсь. Этот лозунг не случайно перекликается с ключевым призывом всемирного и иных социальных форумов, где вот уже 7 лет десятки и сотни тысяч социально-активных, социально-ответственных граждан планеты ищут альтернативы про-имперским «сценариям» развития².

За этим лозунгом скрыт анализ (и наш, и наших коллег) уникального феномена — *мощнейшей потенциальной социально-творческой энергии, скрытой в гражданах нашей страны.* Здесь не место воспроизводить все слагаемые этого исследования, отображенного в уже упомянутой книге «Глобальный капитал». Здесь мы зададимся вопросом: *а при каких условиях серый российский мещанин становится гражданином, способным к совместным историческим действиям?*

² Подробнее о природе, формах, реальных делах и позитивной программе альтерглобалистского движения можно прочесть в работах: «Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского движения» (М.: УРСС, 2003) и «Глобализация сопротивления» (М.: УРСС, 2004).

То, что такая способность в принципе существует, история доказывала не раз.

Эта же история подсказывает и ответ на наш вопрос. Такая *невозможная, на первый взгляд, трансформация мещанина в полного энтузиазма прогрессора* происходит тогда, когда:

- 1) появляется субъект, объективным интересом которого становится изменение экономической и общественной жизни;
- 2) противоречия общественной жизни достаточно обострены, чтобы пробудить социально-творческую энергию граждан (пробудить спящего на печи богатыря);
- 3) этот субъект достаточно организован, чтобы осуществить это действие;
- 4) субъективно способен к осознанному конструктивному действию, т. е. осознает необходимые цели преобразований и возможные средства их реализации достаточно адекватно, чтобы направить социальную энергию в конструктивное, а не разрушительное русло.

Такова проверенная жизнью теоретическая модель. Для современных исторических условий России эта «формула исторического творчества» кажется неприменимой. Но так ли это?

Во-первых, в России традиционно сохраняются два ключевых фактора интенсивного общественного развития постиндустриальной эпохи — природа и культура. Расшифруем. Природа — это не только и не столько сырьевые ресурсы, сколько экологически чистые биogeоценозы (лес — значит воздух, вода, природные заповедники и т. п.). Культура — это прежде всего не масс-культура как один из наиболее быстро растущих глобальных рынков, а «человеческие качества» и сферы их развивающие и воспроизводящие: образование, наука, накопленные столетиями достижения искусства. Именно это и есть условие формирования творчески активного человека-новатора, который, как мы покажем ниже, единственно может стать и станет в ближайшем

будущем главным источником прогресса. И точно так же как для индустриального общества главной сферой модернизации было массовое производство машин, для постиндустриального становится всеобщее «производство» человека-новатора (подчеркнем: не профессионала-исполнителя, а именно *творчески активного субъекта создания know-how во всех областях общественной жизни* — от высоких технологий для сельского хозяйства и промышленности до новых форм образования и воспитания, социальной организации и управления). *Субъект, заинтересованный в такой модернизации в России, объективно существует*: новое поколение активно тянется к образованию, причем на первых курсах вузов (пока «проза жизни» не задавит исходные мотивы) знания и способности как таковые выступают для студентов не меньшим мотивом получения образования, чем будущий доход и карьера. Следовательно, дело за «малым»: *сформировать такие экономические и общественные отношения, в которых культура и талант человека, реализуемые в любой сфере общественно-полезной деятельности (а не только в бизнесе и финансах), гарантировали бы достойное качество жизни и общественный престиж.*

Во-вторых, в нашем обществе подспудно зреет понимание того, что Родина все больше вползает в исторический тупик, выход из которого в принципе есть, но нынешней властью не реализуется. Пока временная стабилизация власти и «нефте-газовый» рост смягчили это глубинное противоречие. Большинство глухо ропщет (неявно выражая свой протест против исторически бесперспективной траектории эволюции экономики и общества) и, как всегда бывает в таких случаях неосознанности проблемы, ищет альтернативы в прошлом, выбирая простейшую траекторию ностальгии и консерватизма.

Но *новое поколение нового общественного слоя реальных и потенциальных наемных рабочих массовых профессий* постиндустриальной эпохи (прежде всего учителя, врачи,

инженерно-технический корпус, социальные работники и творчески активная часть «традиционного» пролетариата) в силу своего «социального рефлекса», неосознанных объективных общественных интересов не принимает консервативный курс как реальную альтернативу. Оказываясь в стратегическом тупике, они уходят от проблем социальной бессмысленности жизни в мещанскую серость и/или иллюзии осмысленности и социального действия. Отсюда пандемии таких форм псевдо-творчества как рок — и спортфаны, или просто уход от жизни в «виртуалку», алкоголизм, наркотики; а там и самый край — массовые молодежные суициды, в том числе и среди «благополучных» детей.

Альтернативой может быть только конструктивный, новый курс, очевидно нацеленный в будущее и социально-востребованный (не обязательно властью — оппозиция здесь даже предпочтительнее).

Эта альтернатива, возможно, и будет (рано или поздно) привнесена во все более жаждущее ее общество той или иной социальной силой — «прогрессорами» (выражаясь языком Стругацких) или «регрессорами» (а это уже из творчества Лукьяненко).

В-третьих, в России все еще имеются интеллектуальные силы для того, чтобы предложить конструктивные альтернативы (именно так — во множественном числе) демократическими методами осуществляемого *модернизационного проекта, выводящего нашу страну на траекторию прорыва в постиндустриальное будущее*, а не на обочину «периферийной империйки».

Основные черты таких альтернативных проектов уже многократно прорисовывались интеллектуальным сообществом России в диалоге с нашими друзьями во многих странах мира.

Начнем с того, что эти альтернативы не постулируются как благопожелание, а выводятся на базе широкомасштабных исследований основных тенденций развития техноло-

гий и общества, а также тщательного анализа объективных интересов реальных «пассионарных» сил нашей страны.

Хорошо известно, что научно-обоснованная стратегическая цель (в отличие от основанной на вере утопии) является важнейшим компонентом мобилизации исполнителей долгосрочного проекта. Для России такой целью, как видно из сказанного выше, является *глобальное культурное* (в подлинном смысле слова, включая сюда образование, науку, высокие технологии, решение природоохранных и социальных задач) *лидерство*. (В скобках заметим, что слово «лидерство» мало адекватно для обозначения существа этой стратегии: речь идет не о внешнем насильственном воздействии, а о стратегии и тактике *очарования мира подлинной культурой*, о разворачивании науки, искусства, воспитания, общения, диалога с природой, самостоятельного критического освоения Мира Человеком в его диалоге с другими людьми как альтернативе потребительству, масс-культуре, манипулированию).

А теперь от исторических параллелей и долгосрочных утопий вернемся к реалиям России начала XXI в.

Вынося на передний план развитие таких сфер прорыва в постиндустриальное общество, как воспитание и образование, наука и высокие технологии, искусство и природоохранная деятельность, управление и социальная работа, мы должны все же конструктивно, а не образно, ответить на вопросы о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, о судьбах работников этих секторов, способах обеспечения конкурентоспособности нашей открытой (эту модальность мы обосновали еще в начале доклада) экономики в глобальной среде и социально-экономических механизмах реализации этой стратегии, а также о том, кто и почему окажется способен и заинтересован ее реализовать.

Ответы на все эти вопросы (кроме последнего) есть. Они многократно были представлены научной общественности и представителям гражданского общества.

Коротко их формула проста: *реализация долгосрочных общественно-государственных стратегических программ приоритетного развития открытых миру образования, фундаментальной науки, социальных и экологических инноваций — в экономике при сокращении роли государства и усилении гражданского общества в политике.*

Такова программа-минимум, и она общеизвестна среди «розовых» и «алых» и в Европе, и в США, и в Латинской Америке (но, впрочем, не в России...³).

И все же, эта программа, как правило, либо вообще не воспринимается, либо воспринимается как утопия.

Почему?

Именно потому, что нет вразумительного ответа на последний вопрос. Только поняв, какие общественные силы способны реализовать новый проект, мы сможем уточнить его конкретные параметры. Более того, новый субъект сам востребует новых разработчиков и «реализаторов» этого проекта. *Подобно тому, как буржуазия вызвала из небытия к жизни таланты тысяч техников, инженеров и путешественников, новый социальный субъект вызовет к жизни таланты миллионов педагогов, ученых, художников и «садовников».*

Так кто же он, этот новый субъект?

Толкового ответа на этот вопрос нет прежде всего потому, что его не там ищут.

Ответ на вопрос о социально-политических силах модернизации ищут «там, где светло, а не там, где потеряли» — среди реально существующих политических элит, уповая то ли на олигархов (они уже по большому счету проиграли первый раунд и взять реванш в третьем *сами по себе* могут разве что в рамках «коричневого» проекта — тоже, как мы показали, исторически тупикового), то ли на государственную бюро-

³ В нашем Отечестве КП РФ ухитрилась, как известно, соединить несоединимое — державные лозунги правых в идеолого-политической сфере с социал-демократической программой в экономике.

кратию (она второй раунд выиграла, но осуществить переход экономики и общества к новому качеству роста не может).

Искать же надо там, где есть силы (пусть пока потенциальные), заинтересованные в переходе к новому качеству развития. Причем, этой силой не может быть вообще никакая элита.

Общедоступное образование и культура плюс чистая природа — это ресурсы развития, в которых заинтересованы широкие творчески активные круги общества, а не элита. И без активного включения в освоение указанных ресурсов этой части общества проблема в принципе не может быть решена. Прорыв в области культуры и экологии может быть совершен только усилиями миллионов активных учителей, студентов, инженеров, врачей, «садовников» — в союзе с проснувшимися и возвысившимися до защиты хотя бы своих собственных интересов рабочими сферы материального производства.

«Тайна» пробуждения в мещанине гражданина и возвышения в загнанном и задавленном проблемами выживания интеллигенте и рабочем социального творца общеизвестна.

Во-первых, *культура — подлинная, доступная каждому* (доступная и экономически, для чего ее блага должны быть бесплатными или, как минимум, дешевыми, и социально, для чего граждане должны обладать свободным временем, а не вкалывать на трех работах одновременно), *каждым востребованная* (а для этого необходимы соответствующее общественное воспитание и общедоступное универсальное, а не только узко-профессиональное, *образование для всех*).

Но этого мало. Если жизнь будет заставлять человека жить ради добывания денег, которые нужны лишь для потребления, никакое образование и культура не будут социально востребованы; мотивации к активному историческому творчеству по-прежнему не будет. Следовательно, во-вторых, нужны мощные общественно-признанные *материальные* (но не денежные и не вещные) *мотивы, возвышающие «ря-*

дового» интеллигента и рабочего до роли социального новатора.

Заметим также, что основанный на развитии гражданского общества проект российской культурной экспансии обеспечивает государству и бизнесу шанс на достойный выход на мировую арену и возможность войти в историю несколько иначе, чем в нее вошли Чубайс и Пиночет...

Вот почему мы беремся утверждать, что в России объективно существует возможность качественно нового модернизационного проекта — открытого культурного (в единстве образования, науки, высоких технологий, искусства и экологии) лидерства на базе развития сильного гражданского общества.

Есть ли для этого проекта достаточные социально-политические предпосылки в современной России — это другой вопрос. Его мы в данном тексте не обсуждаем.

Россия и мир в XXI веке

О.Г. Леонова,
доктор политических наук

Судьба России в XXI веке будет определяться прежде всего процессами глобализации.

Модуль 1. Глобализация: вызовы и ответы

Глобализация в широком смысле слова есть становление мироцелостности.

Во многих работах глобализация рассматривается лишь как процесс формирования единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно информационных технологий. Однако такой подход к определению глобализации слишком узок. Глобализацию не следует сводить только к формированию единого мирового экономического пространства.

Глобализацию можно определить как процесс создания единого мирового информационного, экономического, политического, правового, социокультурного и экологического пространства.

Глобализация имеет несколько аспектов: экономический, политический и социокультурный, которые тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

Наиболее исследованы экономический и политический аспекты глобализации и их последствия.

Экономический аспект глобализации раскрывается во все более тесном взаимодействии экономик национальных